

ОТ РЕДАКЦИИ

“СУВЕРЕННАЯ ДЕМОКРАТИЯ” И КОНЕЦ ИСТОРИИ

Обычно люди живут в ладу со своей историей до тех пор, пока не обнаруживают, что с ними самими произошли некие кардинальные изменения и они перестают узнавать себя в привычной версии прошлого. Ровно двадцать лет назад Френсис Фукуяма воспринял крушение послеялтинского мирового порядка как “конец истории” – истории мира, разделенного на два идеологических лагеря, живущего в тени угрозы новой мировой войны и наступления идеологической диктатуры. Оптимистическому ощущению чувства победы над историей Фукуямы можно противопоставить симметричное восприятие поражения от истории, зафиксированное Марком Блоком в его знаменитой книге. Шестьдесят лет назад, в нормандском саду... “Надо ли думать, что история нас обманула?” – пробормотал кто-то”. Схожее ощущение неудовлетворенности историей демонстрируют сегодня власти России. Однако их реакция отличается как от оптимизма Фукуямы, так и от пессимизма собеседников Блока. В традиционном духе российской самобытности от истории ожидают не конца, а продолжения в прежнем направлении (прерванном в 1991 году), а в обмане винят не исторический процесс, а тех, кто его изучает и интерпретирует. Судя по многочисленным выступлениям политиков разного уровня и чиновников от историографии последнего времени, существует представление, что искоренение “обмана” (“фальсификации”) среди историков обеспечит

преодоление “конца истории” СССР и восстановит утраченные было исторические позиции России. . .

В номере, посвященном проблеме производства знания в имперской ситуации и влиянию индивидуального человеческого опыта на этот процесс, мы не могли пройти мимо разворачивающейся в России кампании борьбы с “фальсификацией истории”. Преодолевая соблазн в очередной раз объяснить происходящее особой стезей России (и лабильной психикой власть предержащих), мы расширили контекст обсуждения проблемы, обратив внимание читателей на политику истории в соседних постсоветских странах. Проблемы преодоления прошлого, политики исторической памяти или политики суда над историей являются характерными чертами внешней и внутренней политики всех постсоветских государств. Опыт Украины, Литвы, Польши свидетельствует о том, что потребность манипулировать прошлым и навязывать обществу некую нормативную его версию отличает политиков и в других странах, где остро стоит вопрос политической конкуренции и политического консенсуса. В то же время публикуемые ниже материалы показывают специфику российского случая.

Исторический метод дезинформации

Как напоминает в публикуемом ниже материале Изабель де Кегель, истоки систематических попыток государства взять под контроль изучение и преподавание истории в России прослеживаются по крайней мере с 2001 года. В связи с празднованием шестидесятилетия окончания Второй мировой войны в 2005 г., которое было омрачено отказом политических лидеров балтийских республик принять участие в торжествах в Москве, с особой остротой проявила себя щекотливая проблема взаимосвязи между победой над фашистской Германией и установлением коммунистических режимов в Восточной Европе. Все нарастающая критика “ревизионистов” советской версии истории войны достигла своей кульминации в 2009 году. В феврале министр и один из лидеров партии “Единая Россия” Сергей Шойгу предложил ввести уголовную ответственность за отрицание победы СССР во Второй мировой войне. В апреле в Государственную думу был внесен проект закона “О противодействии реабилитации в новых независимых государствах на территории бывшего Союза ССР нацизма, нацистских преступников и их пособников”. В мае президент Дмитрий Медведев санкционировал создание Комиссии по противодействию попыткам

фальсификации истории в ущерб интересам России. 28 августа состоялось первое заседание этой комиссии, в составе которой доминируют руководители спецслужб и администрации президента.

Работа по институционализации подавления “неправильной” истории происходит на фоне регулярных выступлений высших руководителей по поводу политики истории в соседних странах, излагающих единственно верную трактовку событий 1945, 1941 и особенно лета-осени 1939 года (заключение пакта о ненападении СССР и Германии, вторжение в Польшу и т.д.). Все происходящее настолько естественно вписывается в политическую культуру “спецопераций”, возобладавшую в России за последние десять лет, что немедленно возникает подозрение: перед нами очередная попытка решить некую конкретную политическую задачу через сочетание провокации и дезинформации при шумном пропагандистском прикрытии.

Наиболее очевидными кажутся внешнеполитические причины нынешней кампании. За последнее десятилетие российские власти целенаправленно разрушили все сколько-нибудь надежные союзнические отношения с соседями. В отношениях с Европейским Союзом ставка делается на прямое двустороннее взаимодействие с “великими державами” при игнорировании новых членов Евросоюза (ближайших соседей России). Эта стратегия делает недопустимым уподобление России бывшим соцстранам—членам Евросоюза, в том числе признание общей проблемы наследия коммунизма, а тем более осуждение его. В то же время череда внешнеполитических скандалов и провалов серьезно скомпрометировала притязания России на статус “великой” (или хотя бы “региональной”) державы. В этих обстоятельствах идеологам режима остается лишь цитировать государя Александра III: “у России только два союзника – ее армия и флот”. Единственной проблемой оказывается то обстоятельство, что это виртуальные армия и флот, а именно боеспособные армады, существовавшие в историческом промежутке 1945–1953 гг. Поэтому компенсаторная самоидентификация с советским прошлым (недавняя иллюстрация тому – громкий скандал вокруг шашлычной “Антисоветская” в Москве) предполагает не просто прославление могущества былых времен, но и отчаянную защиту “чести и достоинства” старого режима. В этом заключается важное отличие от аналогичных случаев приступов национальной гордости у других: речь в современной России больше не идет лишь о “славном прошлом”; оно актуализируется в современном политическом дискурсе и начинает диктовать логику поведения. Историческая самоидентифи-

фикация с “великим” сталинским временем вновь, как в 1970-х годах, делает табуированной тему военных поражений и преступлений (которые сами по себе не способны “отменить” факт героической победы в 1945 г.). В 70-х эти сюжеты лично задевали дряхлеющих советских маршалов – участников событий, а сегодня мобилизация виртуального прошлого могущества заставляет замалчивать все компрометирующие это могущество обстоятельства; самоидентификация с *таким* прошлым делает современный режим соучастником в случае признания любых ошибок и преступлений в той же мере, в какой позволяет выглядеть гордым наследником великих достижений. Если бы речь шла только об истории!...

Вторым очевидным политическим стимулом исторической озабоченности сторонников нынешнего режима в Государственной Думе и администрации президента является внутренняя ситуация в стране. Несмотря на усиленную идеологическую работу последнего десятилетия, укрепления общественного единства не произошло. Уничтожение плюрализма общественного дискурса привело не к единомыслию (как надеялись), а к тому, что в результате ликвидации каналов артикуляции альтернативных общественных взглядов “мнения” вырождаются в неструктурированное и невнятное “брожение”. Лишенное возможности идентифицировать себя с тем или иным развитым публицистическим или партийным “голосом”, нерационализированное и неотрефлексированное, оно становится зыбкой опорой официальной идеологии и питательной средой для холистских антисистемных учений. Остается только мечтать о народе прежних десятилетий, лишенном субъектности “совке”, пассивном и патриотичном, чья воля парализована величественной картиной собственного прошлого.

Россия сегодня – это страна, не понимающая, что самое великое ее создание в прошлом веке был СССР. – И это мешает ей понимать современный мир, который во многом есть создание Советского Союза, мешает ей строить систему образования и воспитания, строить свои вооруженные силы.

Ничего постсоветского не существует, и ничто постсоветское более не актуально. Поскольку такой международно признанной реальности, как “советское”, больше не существует, и провозглашение себя “постсоветским” не создает ни прав, ни прерогатив.¹

---

¹ Глеб Павловский. Вырванное из контекста [31 Декабря 2002] // http://old.russ.ru/politics/20021231_gp-pr.html (последнее посещение 29.09.2009).

Это не цитаты из официальных выступлений 2009 года. Эти мысли были высказаны очень давно Глебом Павловским – человеком, которому принадлежит формулирование всех ключевых идеологем путинского режима, от “суверенной демократии” до Путина – “национального лидера”. Его незамысловатый проект реакционной социальной инженерии направлен на клонирование СССР со всеми его атрибутами с добавлением лишь одного очень важного компонента: масштабного материального вознаграждения “политических менеджеров” пропорционально их властному ресурсу. Особый “российский суверенитет”, о котором любил рассуждать Павловский в начале 2000-х годов, заключается в наделении государства всей полнотой власти, инициативой и верховным правом собственности, которые временно и частично делегируются управляющим-менеджерам. Эта модель, которая на языке истмата была бы описана в терминах “азиатского способа производства”, предполагает существование народа как “издольщиков” величественного государства-нации. Первичной исторической категорией является мистическое тело государственности. Отправлением его функций (и перераспределением доходов) занята каста управляющих, а народу предоставляется право отождествиться с величественной, за него созданной и управляемой исторической политией. Вневременной характер государства-нации делает невозможным признание его прошлых преступлений в настоящем; интеграция “народа” в “нацию” в этом сценарии требует незапятнанности имиджа державы. Как указывал граф А. Х. Бенкендорф, для которого мистическая монархия была так же первична по отношению к реальным жителям империи, как для Павловского первично государство в смысле геополитически обусловленного аппарата отправления власти,

Прошедшее России было удивительно, ее настоящее более чем великолепно, что же касается ее будущего, то оно выше всего, что может нарисовать себе самое смелое воображение.

Только такая версия российской истории способна убедить народ в благословенности верховной власти, которой без колебаний можно делегировать право исторического выбора и инициативы. Именно поэтому критический анализ истории воспринимается не просто как злонамеренная “фальсификация”, но как покушение на основы порядка управления, влекущее за собой юридические последствия.

Перевод научных и даже идеологических разногласий в юридическую сферу свидетельствует об авторитарности режима, но также о его готовности использовать неолиберальную риторику универсального

правового регулирования всех аспектов жизни общества (от детсадовских поцелуев до слухов о состоянии здоровья первого лица государства) для упрочения своего господства. В условиях контроля власти над судебной системой особенно удобно ссылаться на однозначную правовую норму как на главный аргумент при решении конфликтов, которые в принципе не могут решаться внеконтекстуально, исходя из абстрактной и внеположенной буквы закона. Функция суда сводится в этом случае к механической идентификации предполагаемого деликта с соответствующей статьей в законе – подобно тому, как в 1930-х годах деяние человека могло идентифицироваться с одним из подпунктов (на выбор) 58-й статьи УК. Альтернативной логикой судебного разбирательства является предварительное определение судом, какой аспект деятельности в принципе может являться объектом судопроизводства, а какой регулируется иными социальными механизмами. Так, в случае процесса по делу об отрицателях Холокоста первый подход ведет к осуждению просто на основании самого факта высказывания; второй подход признает подсудным лишь заведомо недобросовестную подтасовку доказательств и публичное оправдание насилия или призывы к нему. В первом случае основным рычагом контроля и репрессий оказывается законодательство, общие принципы которого могут, к тому же, весьма широко трактоваться судебными органами; во втором случае суд рассматривает конкретную ситуацию исходя из очень четко очерченных критериев оценки правонарушения. Неолиберальный юридический фундаментализм оказывается заложником авторитарного режима в случае коррумпированной судебной системы, но он и сам напрямую нуждается в таком режиме в культурно гетерогенных обществах с конфликтным историческим наследием. Всеобъемлющей и априорно заданной правовой норме должен соответствовать унифицированный и идеологически однозначный политический строй.

Карл Поппер и борьба с фальсификацией российской истории

Вопреки представлениям Г. О. Павловского, его историософия и прикладная социальная инженерия не представляют из себя особенно изощренный интеллектуальный продукт.² Его проект контрреволюции в России пока реализовался лишь в части фактической легитимации коррупции (как права политических управляющих распоряжаться частью государственной собственности) и превращении ее в систе-

² Ср.: “Мне и так нередко пеняют: слишком вы сложно говорите”. Там же.

мообразующий фактор режима. Консервативные утопии официальных идеологов и прикладные интересы управления населением одни не могут объяснить то состояние деморализации, которым ответила историческая общественность на правительственную кампанию по борьбе с “фальсификациями истории”. При этом речь даже не идет о скоординированных акциях протеста против идеологического давления на науку: если в стране отсутствует политическая оппозиция, было бы несправедливо требовать солидарного проявления гражданской позиции от академической публики. Плачевность состояния российской истории проявилась в ее ответе на реальные или мнимые попытки “фальсификации” – в смысле теории знания Карла Поппера.

Как известно, критерием научности теории, отличающей ее от веры и прочих форм нерационального знания, является ее фальсифицируемость, то есть возможность ее опровержения при определенных условиях или при расширении базы эмпирических данных. С этой точки зрения указания Дмитрия Медведева о том, что ряд исторических событий не должен подвергаться сомнению, подразумевают не больше и не меньше как отказ от научности знания о прошлом:

Есть вещи, которые вообще необходимо, на мой взгляд, воспринимать, как канон, допустим, события недавнего времени – Вторая мировая война, Великая Отечественная война, кто что делал, кто на кого напал, кто выиграл, кто потерял 27 миллионов и так далее. И мы не можем скрывать такого рода догмы, если хотите, или догматы, потому что они уже являются общепризнанными в истории человечества.³

Соответственно, реакция историков на вызовы “фальсификации” нормативного исторического нарратива является тестом на научность их мышления и методов. В этом отношении особенно показательна реакция на архетипический “фальсификаторский” текст: “Ледокол” Виктора Суворова. Опубликованная еще в 1987 г., эта книга уже более двадцати лет служит главным раздражителем для российской охранительной историографии, привлекая то большее, то меньшее внимание. После относительно спокойного периода 1990-х годов со второй половины 2000-х мы наблюдаем резкое обострение “ледоколомахи”. Согласно Попперу, “фальсифицируемость” свидетельствует не об

---

³ Президент в Великом Новгороде обсудил вопросы сохранения культурного наследия России (18.09.2009) // <http://www.1tv.ru/news/culture/151977> (последнее посещение 30.09.2009).

истинности гипотезы, но лишь о ее научности. Не допускающие *возможности* суворовской “фальсификации” историки выводят из сферы научного процесса целый комплекс проблем, далеко выходящих за пределы темы гипотетического сталинского “первого удара”: проблему внешнеполитической стратегии СССР; геополитического воображения Сталина и его окружения; представления о сущности и миссии СССР (за пределами официальной коммунистической риторики) и отношения к имперскому наследию; эволюцию военной доктрины; структуру экономики и приоритеты экономического планирования. То же можно сказать о “фальсификаторских” интерпретациях пакта Молотова-Риббентропа, вторжения в Польшу, оккупации балтийских стран, Катюни. По сути, из научного осмысления изымается весь раннесоветский период, включая сюжеты, казалось бы, напрямую не связанные с войной.

Помимо фундаментальной ненаучности борьбы с “фальсификациями”, вторым главным свойством нового подхода к истории России является его принципиальная вторичность и “реактивность”. Пленных польских офицеров расстреливали потому, что еще прежде поляки погубили тысячи пленных красноармейцев; пакт с Гитлером заключили потому, что еще прежде был Мюнхен; Польшу поделили с немцами потому, что еще прежде поляки были агрессорами (с XVII века). Наивное стремление найти себе алиби приводит к полному отказу от самостоятельной субъектности – России, ее правителей, лично товарища Сталина, а также современных историков. В этой объясняющей модели самих себя загоняют в колониальную ситуацию, где любое значимое (“историческое”) решение полностью обусловлено чужой высшей волей (как правило, зловредного Запада). Индустриализация, заключение пакта, вступление в войну, начало Холодной войны – все объясняется реакцией на инициативы внешнего окружения. Таким образом, Россия лишается не только истории как научной дисциплины, но и Истории как проявления собственной субъектности и воли. Удивительным образом, пытаясь помыслить страну как великую державу, которой не указ всякие мировые ориентиры, российские политики и обслуживающие их историки конструируют довольно убогую картину. Их усилиями Россия обрекается на вторичность вечного самооправдания перед “недругами” и “фальсификаторами”, восприятие себя лишь по контрасту с чужими (и потому неизбежно чуждыми) позитивными сценариями. “Суверенная демократия” с неприкасаемой историей.

Главным и самым непосредственным итогом развернувшейся кампании по борьбе с фальсификацией истории станет как раз то, чего

власти всеми силами старались не допустить: принципиальный разрыв общества с советским прошлым. Еще в 2004 году в рамках годовой программы, посвященной проблеме исторической памяти, авторы нашего журнала обращали внимание на сложность радикального отмежевания от советского прошлого. Это объяснялось и тем, что советский режим просуществовал в России и Украине не 12 и даже не 40 лет (как тоталитарные режимы в Германии или в Восточной Европе), а свыше 70 лет, вобрав в себя исторический опыт трех поколений, то есть реальный горизонт актуальной истории наших современников. И тем, что революционный компонент этого режима, ослабевавший в нем с каждым годом, тем не менее способствовал эмансипации и высокой социальной мобильности народа. Наконец, жизненный опыт людей при нем действительно не сводился к преступлениям против человечества, и нельзя забывать о героизме и достижениях миллионов советских людей. Все эти оговорки были справедливы при условии, что мы говорим о проблемной советской истории как о безвозвратно ушедшей в прошлое. Оставалась проблема недостаточно решительных оценок преступлений, более комплексного анализа достижений и поиска формулы исторического примирения с собственным проблемным прошлым. Однако объявив советскую историю в ее наиболее официозной версии актуальной основой современной политической идентичности режима и его граждан, власти поставили российское общество перед выбором: либо идентифицировать себя со сталинизмом в его лубочно-упрощенном изображении, либо, также упрощая проблему, отвергнуть его как фашистский строй. К сожалению, возможность более нюансированного и продуктивного восприятия истории оказалась упущена, и не по вине историков.